

ва Т. Цветок несчастья: Весь Ерофеев в трех томах // Знамя. 1997. № 5; Фомина В. Метафизический Ерофеев и как с ним бороться // Дружба народов. 1997. № 7; Касаткина Т. Искусственный венок: [рец. на книгу «Русские цветы зла»] // Новый мир. 1998. № 1; Эссеистика Виктора Ерофеева как форма поведения писателя-звезды // Филол. штудии. Иваново. 1999. Вып. 3; Славникова О. Шествие голого короля // Октябрь. 2000. № 5.

Т. М. Вахитова

ЕСЕНИН Сергей Александрович [21.9(3.10). 1895, с. Константиново Кузьминской волости Рязанского у. Рязанской губ.— 28.12.1925, Ленинград; похоронен в Москве на Ваганьковском кладбище] — поэт.

Из крестьян. Рос и воспитывался в семье деда по матери, редко общаясь с жившими врозь родителями. Ранние духовные впечатления оформляются в атмосфере глубокого народного поэтического православия: «Часто собирались у нас дома слепцы, странствующие по селам, пели духовные стихи о прекрасном рае, о Лазаре, о Миколле и о женихе, светлом госте из града неведомого. <...> Дедушка пел мне песни старые, такие тягучие, заунывные. По субботам и воскресным дням он рассказывал мне Библию и священную историю» («Автобиография», 1924). В то же время воспитывала поэта и улица, давая выход озорству, неуравновешенности его характера: «Среди мальчишек всегда был коноводом и большим драчуном и ходил всегда в царапинах» («О себе», 1925). Позднее Е. высказывался о противоречивости уже своих детских чувств и настроений: «В детстве у меня были очень резкие переходы: то полоса молитвенная, то необычайного озорства, вплоть до желания кощунствовать и богохульничать» (Розанов И. Есенин о себе и других. М., 1926).

Учится в Константиновском земском 4-годичном училище (1904–09), затем в Спас-Клепиковской закрытой церковно-учительской школе (1909–12) и на историко-философском отделении Московского городского Народного ун-та им. А. Л. Шанявского (1913–14, не окончил).

Первые поэтические опыты пробуждаются рано и прежде всего под влиянием народной и религиозно-духовной поэзии: «Стихи начал слагать рано. Толчки давала бабка. Она рассказывала сказки. Некоторые сказки с плохими концами мне не нравились, и я их переделывал на свой лад» («Автобиография»); «Влияние на мое творчество в самом начале имели деревенские частушки» (Там же). Некоторое время в юности он сочинял,



С. А. Есенин

по собственному признанию, «только духовные стихи» и лишь по просьбе школьных товарищей решил «попробовать себя в стихах другого рода». Подготовленный летом 1912 сб. юношеских стихов «**Больные думы**» остался при жизни поэта неопубликованным.

С авг. 1912 живет в Москве, работая сначала в лавке у купца (где и отец — приказчиком), а затем в типографии И. Д. Сытина. Здесь в конце 1913 сближается с Суриковским лит.-музыкальным кружком и, став вскоре его членом, избирается в редакционную комиссию. С 1914 публикует стихи в детских ж. «Мирок», «Проталинка», «Доброе утро». Неудовлетворенный своим «московским» вхождением в лит-ру, приезжает 9 марта 1915 в Петроград. Здесь почти сразу же получает высокую оценку со стороны поэтов столичной элиты: А. Блока («Стихи свежие, чистые, голосистые» // Записные книжки. М., 1965. С. 567); З. Гиппиус, обнаружившей в его стихах «какую-то „сказанность“ слов, слитость звука и значения» (Голос жизни. 1915. № 17); С. Городецкого, высказывавшегося позже, что «факт появления Есенина был осуществлением долгожданного чуда», что с первых же строк Е. стало ясно, «какая радость пришла в русскую поэзию» (О Сергее Есенине // Новый мир. 1926. № 2. С. 138). Е. становится сенсационным открытием — как «дитя народа», как живой голос Руси. В столичных лит. салонах и меценатских гостиных

Е. называют «рязанским Лелем», «рязанским Дафнисом». «Город встретил его с тем восхищением, как обжора встречает землянику в январе» (Горький М. Письмо к Р. Роллану 24 марта 1926 // Сергей Есенин. Письма. Документы. М., 1995. С. 405). Его стихи появляются во множестве стихичных ж., осенью 1915 он входит в лит. группу «Краса» и лит.-худож. общество «Страда», которые становятся первым символическим объединением поэтов, по определению Е., «крестьянской купницы» (новокрестьянских).

В первой половине 1916 Е. призывается в армию, но благодаря хлопотам друзей получает назначение («с высочайшего соизволения») санитаром в Царскосельский военно-санитарный поезд № 143 Ея Императорского Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны, что позволяет ему беспрепятственно посещать лит. салоны, бывать на приемах у меценатов, выступать на концертах. На одном из концертов в лазарете, к которому он был прикомандирован (здесь же несли службу сестер милосердия императрица и царевны), происходит его встреча с царской семьей: «По просьбе Ломана (штаб-офицер для особых поручений при дворцовом коменданте.— А. М.) однажды читал стихи императрице. Она после прочтения моих стихов сказала, что стихи мои красивые, но очень грустные. Я ответил ей, что такова вся Россия. Ссылался на бедность, климат и проч.» («Автобиография»). Тогда же вместе с Клюевым выступают, одетые в древнерусские костюмы, снятые по эскизам худож. В. Васнецова, на вечерах «Общества возрождения художественной Руси» при Феодоровском городке в Царском Селе, а также приглашаются в Москве к великой княгине Елизавете Федоровне (будущей преподобномученице), от которой в день своих именин Е. получает в дар и благословение икону своего небесного покровителя Сергия Радонежского.

В начале 1916 выходит первая книга Е. «**Радуница**». Еще до выхода стихи ее получают в частном высказывании С. Городецкого определение «медовых»; именно этот природно-благоуханный эпитет отзывается во всех рецензиях на нее. Глубоко органическую, нерасторжимую связь поэта с родным краем, запечатленную уже в этой первой его книге, выразила позже в исчерпывающем афоризме А. Ахматова: «Его не вырвешь из полей и роц» (А. П. Ломан. Встречи и расставания: Запись беседы с А. Ахматовой) (РО ИРЛИ).

Не менее определенно проявлялось в поэзии Е. и духовное начало. С. Парнок отме-

чала: «Через „Радуницу“ из глубины России послан нам напоенный сердцем взгляд» (Северные записки. 1916. Июнь. С. 220). П. Сакулин эту духовную доминанту определил как страстную устремленность поэта «к небесному, вечному» («Народный златоцвет» // Вестник Европы. 1916. Кн. 5. С. 204).

В 1918 в Петрограде выходит вторая книга стихов Е. «**Голубень**», подтвердившая талант Е. как самобытного поэта патриархально-крестьянской святой Руси. Впоследствии эта характеристика обернется жесточайшей оценкой, поэзия Е. будет заклеена как «деревенско-идиллическая, окрушенная церковностью» (Воронский А. Об отошедшем // Есенин С. Собр. стихотворений. М.; Л., 1926. Т. 1. С. XVIII). Е. и сам в свое время делает попытку отречься от патриархальной святой Руси. В ранней поэзии Е. явственно проступал и ее язычески-пантеистический облик. Восстанавливая истоки миропонимания поэта, В. Ходасевич позже доискивался и до глубинных, еще дохристианских корней есенинской Руси: «Выйдет, что миссия крестьянина божественна, ибо крестьянин как бы причастен творчеству Божью. Бог — Отец, Земля — Мать, Сын — Урожай. От этих истоков до христианства еще ряд этапов. Пройдены ли они у Есенина? Вряд ли. Начинаящий Есенин — полуязычник. Это отнюдь не мешает его вере быть одетою в традиционные образы христианского мифа. <...> Правда земная — воплощение небесной. Земное так же свято, как небесное...» (Русское зарубежье о Есенине. М., 1993. Т. 1. С. 47, 54–55).

И все же любое выяснение религиозных, философских мотивов творчества Е. не может заслонить той истины, что в «земной» сущности есенинской поэзии с самого начала выявляется прежде всего облик деревенской России с ее природой и крестьянским бытом. Живая, реалистическая непосредственность образной ткани поэзии Е. воплощает красоту мира в ее многообразном (зрительном, звуковом, осязательном) проявлении. Е. был присущ феноменальный дар тонко воспринимать едва ощутимые состояния и неуловимо ускользающие мгновения бытия природы. Поэт слышал и «звон надломленной осики», и то, как «нежно охает ячменная солома, / Свисая с губ кивающих коров» («**О красном вечере задумалась дорога...**», 1916). Внешний облик самого поэта был словно сродни самым выразительным чертам русской природы. Об этом говорят мемуары современников, в них Е. предстает как бы феноменом худож. творения природы. Таково, например, сияние «небесных» (И. Эренбург)

глаз поэта. В лирике Е. они выражают полноту душевной жизни: «...глаза синее дня» (**«Алый мрак в небесной черни...»**, 1915), «Как васильки во ржи цветут в лице глаза» (**«Исповедь хулигана»**, 1920). Мемуаристы именно такими и видели глаза Е.: «И еще издали рассиневались чудесные глаза на белом лице» (Евдокимов И. // Сергей Александрович Есенин. М.; Л., 1926). Та же картина предстает и в отношении удивительных, как чудо природы, волос Е. В своей лирике поэт о них высказывается: «Эти волосы взяла у ржи» (**«Шаганэ ты моя, Шаганэ!»**, 1924), «В волосах есть золото и медь» (**«В Хоросане есть такие двери...»**, 1925). Не иначе как именно такими же их видели и в реальности: «Волосы цвета спелой ржи» (Коненков С. Певец Руси // Воспоминания о Сергее Есенине. М., 1965); «От его золотой головы шли как бы солнечные лучи» (Табидзе Н. Золотая монета // О Есенине. М., 1990); «Волосы светлые и пушистые, будто хорошо расчесанный лен» (Кириллов В. Встречи с Есениным // Там же). Иногда подобные определения приобретают характер некоего эстетического исследования, как, например, в воспоминаниях известного худож. Ю. Анненкова: «Лицо Есенина (ему было тогда едва ли двадцать лет) действительно удивляло „девической красотой“, но волосы не были ни цвета „золотого льна“, ни цвета „спелой ржи“, как любят выражаться другие: они были русые, это приближается к пригашенной бесцветности березовой стружки» (Дневник моих встреч. М., 1991. Т. 1. С. 154).

Образами природы у Е. в исключительной степени пронизана и любовная лирика, в которую его вклад среди лучших мировых певцов эроса велик. Женские образы в его поэзии кажутся прямым порождением мира идеального и мечты и тем не менее обладают чертами соблазнительной земной, полнокровной жизни. Таково, например, стих. **«Не бродить, не мять в кустах багряных...»** (1916); неземная красота его героини созвучна лучшим образцам классической любовной лирики. На утонченный и хрупкий образ возникающей в памяти поэта умершей любимой, чье даже «имя тонкое растаяло как звук», падает здесь явный ответ блоковских «нездешних» героинь, а также сияние возлюбленных из лирики Петрарки и Данте. В увековечивании образа своей героини Е. следует великим лирикам прошлого. Однако при всей неземной сущности женской красоты даже самые ее идеальные черты поэт роднит с крестьянской природой: «Со снопом волос твоих овсяных / Отоснилась ты мне на-

сегда»; «Зерна глаз твоих осыпались, завяли...» и т. д.

Как бы сложно ни преломлялись в поэзии Е. христианские и языческие мотивы, восприятие им природы в ее крестьянской ипостаси столь одухотворялось, наделялось таким глубоким поэтическим чувством, выливалось в такие шедевры, что всякая постановка вопроса о противостоянии этих двух начал национальной духовности и культуры относительно его творчества теряет, по сути дела, смысл.

Начиная с 1917 путь Е. становится все более противоречивым, исполненным драматических коллизий. Во вневременный, гармонически цельный мир есенинской Руси вторгается теперь история. Об этом говорят уже сами заглавия новых книг поэта: **«Преображение»** (1918), **«Пугачев»** (1922), **«Песнь о великом походе»** (1925), **«Русь советская»** (1925). Даже творческое постижение глубинных, «космических» основ национального самосознания ставит он теперь в прямую связь с приятием исторического «вихря, который сейчас бреет бороду старому миру» (в трактате «Ключи Марии», 1918, изд. 1920). И лирика, и образ лирического героя, и сам облик поэта резко меняются, от таких прежних «автоэпитетов», как «захожий бог-молец», «ласковый послушник», «отрок светлый», поэт переходит к совершенно иным масштабам лирического героя, вызывающе начертанным на обложках его книг: **«Исповедь хулигана»** (1920), **«Стихи скандалиста»** (1923), вполне определяющего его как «падшего ангела»; приходит поэзия «бунта».

Е. принимает участие в двух сб. «Скифы» (1917, второй помечен 1918), выпущенных ориентирующейся на левых эсеров одноименной лит. группой, вдохновляемой идеологом мистического, мессианского социализма Р. В. Ивановым-Разумником. Е. и Клюев превозносятся им как поэты-пророки «России будущего» (Две России // Скифы. Сб. 2. СПб., 1918). В стихах Е. появляется мотив вызова старой патриархальной России (поэма **«Инония»**, 1918). Выступая в качестве нового пророка и витийствуя о новой вере, Е. отказывается от Христа, прокинает Китеж и Радонеж — как символы святой Руси — и грозит «выщипать» Богу бороду и «вылизать» на иконах «лики мучеников и святых».

В 1919 Е.— один из создателей (вместе с А. Мариенгофом, В. Шершеневичем и Р. Ивневим) русского имажинизма, целью которого для него было не только «проведение в жизнь силы образа» («Автобиография», 1923), но и решительное отдаление от патри-

архальной России, от клюевского «избяного космоса» и сближение с урбанистическим миром, с полной морально-нравственной раскрепощенностью «цивилизованного» человека. Прельщала в имажинизме Е. и возможность заявить о своем «европеизме», освободиться от сковывающего его амплуа «пастушеского» поэта. Теперь Е. вступает в полосу своего продолжавшегося до последних дней богомного существования. Женившись в 1922 на знаменитой американской танцовщице Айседоре Дункан, он затем более года проводит с нею в турне по Европе и Америке и возвращается оттуда «с ясной тягой к новому» (Маяковский В. Как делать стихи. М., 1927. С. 22), с негодованием, в частности, по отношению к русской религиозности, существовавшей-де в ущерб бытовой благоустроенности человека: «Убирайтесь к чертовой матери с Вашим Богом и Вашими церквями. Постройте лучше из них сортиры, чтоб мужик не ходил „до ветру“ в чужой огород» (Железный Миргород, 1923 // С. А. Есенин. Материалы к биографии. М., 1992. С. 299–300).

Последние годы жизни Е. были отмечены трагическими противоречиями. Высвобождение из-под власти патриархальной Руси и сближение с цивилизованным миром не только не обогатило, но нанесло немало жесточайших ран самочувствию поэта. Глядя на пореволюционную Россию, Е. в числе немногих самых первых художников почувствовал надвигающуюся национальную катастрофу. Ему не удается заглушить душевные муки при виде гибнущей своей родины. Он терял самообладание и с безотчетной, казалось, бесшабашностью губил свою жизнь. Но и в это время Е. оставался величайшим поэтом. В 1924–25 он создает такие шедевры, как книга стихов **«Москва кабацкая»** (1924), поэма **«Черный человек»** (1925), лирика последнего года, потрясающая как «подлинный документ, строки которого налились и сочатся кровью, напоены смертной тоской и томлением, крестной мукой, одиночеством и предчувствием гибели»; через них вполне «чувствуешь, как гробовая дрожь сотрясает тело поэта» (Воронский А. Об отошедшем. С. 21–22). Немало сохранилось свидетельства о появлении на лице Е. в последний период его жизни и прямых мистических знаков его трагической судьбы: «Есенин заметно увядал. Лицо его, прежде светлое и жизнерадостное, подернулось мглистыми, печальными тенями... Он стал производить впечатление человека, опаленного каким-то губительным внутренним огнем» (Кириллов В.— С. 176). Работавший над портретом Е. в 1923 известный

художник Б. Григорьев позже писал, что заметил тогда в нем «прожигающую слегка улыбку падшего ангела, что сгибала веки его голубых, васильковых глаз» (Русское зарубежье о Есенине. Т. 1. С. 239). И все же в борьбе власти против «старой», исконной России с ее прежде всего «пахотной идеологией» Е. решительно встал на сторону последней. В его поэзии присутствует сочувствие разгромленному повстанческому крестьянскому движению, с одной стороны, и скрытое сопротивление, страх перед бездуховностью, перед большевистским насилием — с другой: **«Сорокоуст», «Мир таинственный, мир мой древний...»** (1921); то же самое в драматических поэмах **«Пугачев»** и **«Страна негодяев»** (1922–23), в письмах к Е. Лившиц (1920) и А. Кусикову (1923), в незавершенной статье **«Россияне»** (1923) и др. Но протест против губительной для России власти носит в стихах Е. чаще всего немотивированно-лирический характер. С каким-то упованием горечи применяет здесь поэт прежде всего к себе такие романтические маски, как «разбойник», «степной конокрад», «похабник», «скандалист». И только часто звучащее тут же признание в своей одинокой любви к обреченной крестьянской России (**«Русь моя, деревянная Русь / Я один твой певец и глашатай...»** — **«Хулиган»**, 1921; **«Я последний поэт деревни...»**, 1920) свидетельствовало о всей глубине его тоски, о попытке скрыть свою боль за романтической фрондой.

Однако и такой протест не остается незамеченным. Так, в книге партийного публициста Г. Устинова «Литература наших дней» (М., 1923) Е. и поэтам его круга (новокрестьянским) уделено два знаменательно озаглавленных раздела: «Психобандитизм» и «Осуждены на гибель». Определив здесь Е. «неисправимым психобандитом», автор называет его поэму «Пугачев» лебединой песнью есенинской хаотической Руси, на короткое время восставшей из гроба после уже пропетого ей Сорокоуста» (С. 60). В обоих разделах он усиленно соотносит поэзию Е. с кулачеством, бандитизмом, крестьянским бунтом, Антоновым-Тамбовским. Немало сказавший позже о Е. и его творчестве глубоких и добрых слов А. Воронский в своем очерке «Сергей Есенин» (1924) также вменял в то время поэту в вину «художественную реакционность» его произведений, высказывался о том, что он «творит сплошь и рядом вещи прямо вредные», предупреждал об «опасности» его стихов (Красная новь. 1924. № 1. С. 274, 282, 285).

Похоронив в душе образ крестьянской патриархальной России, святой Руси и перенеся в последние годы жизни свою любовь на Россию, какова она есть в своей простой, неприхотливой красоте — как «страна березового ситца» («**Не жалею, не зову, не плачу...**», 1921), отчизна, принакрытая «сереньким ситцем / Этих северных бедных небес» («**Низкий дом с голубыми ставнями...**», 1924), какою она была и осталась с ее «обпечалившими» «русскую ширь» бугорками, пенечками и косогородами, Е. отнюдь не ступает на путь певца «новой», «преобразованной» в духе большевизма крестьянской России, хотя иногда и пытается ее декларировать. Попытка поэта приглядеться к «новизне» послереволюционной деревни утешительных результатов не приносит («**Возвращение на родину**», 1924). На родине он только и видит что взметнувшуюся «колокольню без креста», в избе выброшенные с божничной полки сестрами-комсомолками иконы, вместо которых «на стенке календарный Ленин». «Здесь жизнь сестер. / Сестер, а не моя...» — с горечью и грустью обобщает поэт.

В последний период жизни Е. сознательно отдалается от деревни — как от чуждой ему советской «новии». Он так и уходит из жизни с поэтическим взором, более обращенным в свой внутренний мир (лирика любви, природы, прощания с молодостью, размышлений о жизни и смерти), нежели во внешнюю действительность с происходящей в ней ломкой России: «Чтобы не видеть в лицо роковое...» («**Снова пьют здесь, дерутся и плачут...**», 1922). Все настойчивее звучит в его поэзии тема приближающейся смерти.

Жизнь Е. трагически оборвалась в Петрограде, в гостинице «Англетер» при невыясненных обстоятельствах.

Соч.: Собр. стихотворений: Стихи и проза. М., 1926–27. Т. 1–4. Репринтно переизд. Т. 1–3. 1995; СС: в 6 т. М., 1977–80; Сергей Есенин в стихах и жизни: в 4 кн. М., 1995; ПСС: в 7 т. М., 1995–2001.

Лит.: Кириллов В. Встречи с Есениным // Сергей Александрович Есенин: Воспоминания. М.; Л., 1926; Наумов Е. Сергей Есенин: Личность. Творчество. Эпоха. Л., 1969; Юшин П. Сергей Есенин: Идеино-творческая эволюция. М., 1969; Белоусов В. Сергей Есенин: Лит. хроника: в 2 ч. М., 1969–70; Марченко А. Поэтический мир Есенина. М., 1972; Прокушев Ю. Сергей Есенин: Образ. Стих. Эпоха. М., 1986; Жизнь Есенина: Рассказывают современники. М., 1988; С. А. Есенин: Материалы к биографии. М., 1992; Русское зарубежье о Есенине: в 2 т. М., 1993; Панфилов А. Есенин без тайны. М., 1994; Юсов Н. Прижизненные издания С. А. Есенина. М., 1994; Михайлов А. Сергей Есенин: Судьба и вера // Сергей Есенин. Шел Господь пытать людей в любви...

СПб., 1995; Смерть Сергея Есенина: Документы. Факты. Версии. М., 1996; Столетие Сергея Есенина. Международный симпозиум: Есенинский сб. Вып. 3. М., 1997; Кузнецов В. Тайна гибели Есенина. М., 1998; Шубникова-Гусева Н. Поэмы Есенина. М., 2001; Пушкин и Есенин: Есенинский сб. Вып. 5. М., 2001; Гуляров Е., Карпухин О. Есенин в жизни. Систематизированный свод воспоминаний современников: в 2 т. Калининград, 2000; Куняевы Станислав и Сергей. Жизнь Есенина. М., 2001; Кузнецова Л. Мифологема женского начала в лирике С. А. Есенина // Опыты. Великий Новгород. 2002. Вып. 3; Есаулов И. «Черный человек» С. Есенина: между «другом» и «скверным гостем» // Вестник Российского гуманитар. науч. фонда. 2003. № 1.

А. И. Михайлов

ЕСЕНКОВ Валерий Николаевич [25.9.1935, Ярославль] — прозаик.

Родился в семье военнослужащего. Отец из курских мастеровых. Род матери — ярославский, потомственные сельские священники, почти все были репрессированы, по этой причине она не могла получить высшего образования.

В 1958 Е. окончил с отличием историко-филол. ф-т Ярославского педагогического ин-та. Работал учителем лит-ры и истории в сельских школах Читинской и Липецкой обл., затем в Ярославле в ШРМ, в театральном и культпросветучилище до 1988.

Писать начал в детстве: создавал комедии на темы из школьной жизни.

К биографической прозе Е. пришел не сразу. Работая в сельской глуши в конце 1950-х — начале 1960-х, прочитал академическое СС В. Г. Белинского и был поражен эволюцией взглядов революционного демократа. Так появилась повесть «**Неистовый**» (1964, не издана). В 1960-е были написаны и др. повести о русских писателях (Гоголе, Гончарове, Толстом). Попытки опубликовать их долго были безуспешными. Первая публикация состоялась только в 1982; это была повесть «**Железная зима**» о Ф. И. Тютчеве (со вступ. заметкой В. Кожина), но она прошла не замеченной критикой.

В 1968 появились журнальные публикации: в ж. «Подъем» — повесть о Гоголе «**Совесть**», в «Волге» — роман о Гончарове «**Отпуск**». Повесть «Совесть» о трагической кончине писателя была высоко оценена критикой. С. Чупринин заключал в послесл.: «Запомним это новое имя» (Подъем. 1968. № 5. С. 24). Однако Ф. Ф. Кузнецов в «Новом мире» (1983. № 12) третирует Е. за «карикатуру» на образ Белинского в этой повести. Эта статья стоила Е. расторжения договоров